

© 2024 г.

В.И. МУКОМЕЛЬ

СРЕДНЕАЗИАТСКИЕ МИГРАНТЫ НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ ТРУДА ВО ВРЕМЯ И ПОСЛЕ ПАНДЕМИИ

МУКОМЕЛЬ Владимир Изявич – доктор социологических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра исследования межнациональных отношений Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (mukomel@isras.ru).

Аннотация. Статья базируется на социологических обследованиях трудовых мигрантов из Киргизии, Таджикистана и Узбекистана, проведенных в 2020–2023 гг. Исследуются процессы адаптации среднеазиатских трудовых мигрантов к трансформациям российского рынка труда в период пандемии и после ее окончания. Особое внимание уделяется последнему периоду, когда иностранные работники были вынуждены приспособливаться к экстраординарным изменениям, произошедшим в результате внешнеполитических санкций после февраля 2022 г. и вследствие сокращения трудовых ресурсов после начала СВО. Во время пандемии мигранты адаптировались к трансформациям российского рынка труда, не стремясь его покидать, надеясь, несмотря на локдауны и массовые увольнения, на быстрое возвращение к работе, что им и удалось уже после первой волны пандемии. Анализируются вертикальная и межсекторальная мобильность среднеазиатских мигрантов. Достижения выходцев из стран Средней Азии (диверсификация видов экономической деятельности, сокращение разрыва в оплате труда с российскими гражданами, улучшение условий труда) были во многом обусловлены их высокой мобильностью во время пандемии. Серьезными проблемами российского рынка труда остаются его сегментация с сопутствующей сверхквалификацией, недоиспользованием человеческого капитала, дискриминационные практики, ограничивающие доступ к конкретным видам экономической деятельности.

Ключевые слова: трудовые мигранты • рынок труда • виды экономической деятельности • занятия • вертикальная мобильность • межсекторальная мобильность • оплата труда • дискриминационные практики • Средняя Азия

DOI: 10.31857/S0132162524120054

Среднеазиатские мигранты и до пандемии преобладали на российском рынке труда. После уточнения перспектив возвращения мигрантов с Украины, до пандемии составлявших второй по численности контингент после граждан Узбекистана, стало понятно, что среднеазиатские мигранты будут доминировать на российском рынке труда многие годы. Изменившаяся ситуация сопряжена с новыми вызовами. Во-первых, квалификация уроженцев Средней Азии относительно низка, уступая как россиянам, так и мигрантам из других государств постсоветского пространства. Во-вторых, среднеазиатские мигранты хуже, чем граждане других стран СНГ, адаптируются к российским реалиям в силу большей культурной дистанции с принимающим населением. Наконец, ксенофобские настроения

местных жителей по отношению к выходцам из Средней Азии более распространены, чем к другим мигрантам из постсоветского пространства.

Еще в преддверии пандемии среднеазиатские мигранты продемонстрировали способность адаптироваться к российскому рынку труда, существенно отличному от рынков труда их стран происхождения [Мукомель, 2022: 73]. Однако во время пандемии, в условиях форс-мажорной ситуации, их адаптационный потенциал подвергся суровым испытаниям.

В кризисных ситуациях реакция трудовых мигрантов несколько отличается от реакции российских граждан, что обусловлено разными возможностями этих контингентов. Российский рынок труда весьма специфично реагирует на кризисы: в отличие от традиционного для рыночных экономик сокращения рабочих мест при сохранении величины оплаты труда, российские работодатели, испытывающие сильное административное давление властных структур, избегают увольнений: «амортизация негативных экономических шоков идет... не столько по линии падения занятости и роста безработицы, сколько по линии сжатия продолжительности рабочего времени и снижения цены труда» [Капелюшников, 2023: 4]. Такая реакция работодателей на экономические кризисы особенно болезненна для иностранных работников, подверженных увольнению в первую очередь. Во-первых, их права в трудовой сфере ограничены, во-вторых, часть из них не имеет разрешительных документов на занятие трудовой деятельностью в России и/или заняты неформально, что делает их бесправными. У трудовых мигрантов, находящихся в России и лишившихся работы, есть две опции. Первая – покинуть Россию и вернуться в страну происхождения, намереваясь переждать трудные времена на родине – что было практически исключено во время первых волн пандемии. Вторая – остаться в России и искать любую работу.

Нельзя сказать, что проблемы трудовых мигрантов во время пандемии прошли мимо внимания российских исследователей: фиксируется несколько сотен публикаций по этой тематике. Имеются и исследования, основывающиеся на опросах среднеазиатских трудовых мигрантов, – все они были проведены во время первой волны пандемии [Варшавер и др., 2020; Полетаев, 2021; Ryazantsev et al., 2020; Рязанцев и др., 2022].

В настоящей статье на основе социологических обследований 2020–2023 гг. предпринята попытка найти ответы на ключевые вопросы: как среднеазиатские мигранты адаптировались к изменениям на рынке труда во время разных волн пандемии и что мы можем зафиксировать по ее завершению? Как они видели свои перспективы в России во время разных волн пандемии? Менялись ли их настроения в это время? Какие изменения фиксируются в видах экономической деятельности и занятиях трудовых мигрантов? Каково положение среднеазиатских трудовых мигрантов на российском рынке труда по завершении пандемии? Как относятся работодатели к использованию иностранной рабочей силы? Какие проблемы адаптации к российскому рынку труда по-прежнему актуальны?

Методология. Исследование базируется на следующих социологических обследованиях трудовых мигрантов из Киргизии, Таджикистана и Узбекистана: 1) онлайн-опрос (CAWI) 510 мигрантов в России, из которых 370 трудовых, и 502 потенциальных трудовых мигранта за рубежом в июне 2020 г. для НИУ ВШЭ (далее – Опрос 2020А); 2) опрос (CATI) 248 мигрантов, из них 218 трудовых мигрантов, в Москве и Московской области в июне 2020 г. для НИУ ВШЭ (далее – Опрос 2020Б); 3) опрос (CATI) 514 мигрантов, из них 491 трудовой мигрант, в Москве и Московской области в ноябре 2020 г. проведен Институтом социологии ФНИСЦ РАН (далее – Опрос 2020В); онлайн-опрос (CAWI) 1649 мигрантов, из них 1466 трудовых, в России и 1070 потенциальных трудовых мигрантов за рубежом в ноябре 2021 г. для НИУ ВШЭ (далее – Опрос 2021); 4) опрос (CATI) 2921 мигранта, из них 2774 трудовых, в Москве в октябре – ноябре 2023 г. для НИУ ВШЭ (далее – Опрос 2023).

Социологические обследования различались размерами выборок, методиками и регионами опроса. Наряду с онлайн-опросами, где респондентами являлись мигранты, находящиеся практически во всех регионах России, и потенциальные мигранты в государствах выхода, приводятся результаты социологических опросов мигрантов из Средней

Азии в Московском мегаполисе, на который приходится около 2/5 всех мигрантов, работающих в России.

Использованы также результаты опросов работодателей, имевших опыт найма иностранной рабочей силы и в большинстве своем использовавших труд мигрантов в момент опроса (для НИУ ВШЭ): осенью 2021 г. (410 респондентов), и в октябре – ноябре 2023 г. (760 респондентов).

В САТИ-опросах, проводимых «снежным комом», использовались квотные выборки: в опросах мигрантов в первую очередь контролировалось гражданство по регионам опроса, в опросах работодателей – виды экономической деятельности.

Среднеазиатские трудовые мигранты во время пандемии. Первая волна пандемии в России, пришедшаяся на весну 2020 г., сопровождалась закрытием границ и прекращением межгосударственных транспортных коммуникаций. Локдаун, объявленный в конце марта, наиболее сказался на сфере услуг. Кризис сильнее всего ударил по гостиничному и ресторанному бизнесу, где в самый тяжелый месяц, в апреле, работали только 23,3% от занятых в феврале, по персональным услугам (38,4% работавших в феврале), помощи в домашнем хозяйстве – 56,4%, торговле – 69,6%, тогда как в строительстве продолжали трудиться 81% работников, а в мае занятость в строительной сфере вышла на январский уровень [Денисенко, Мукомель, 2020].

Среднеазиатские мигранты, уступающие в квалификации мигрантам из других стран, лишались работы в первую очередь: в апреле 2020 г. были уволены 43,6% из работавших в феврале, тогда как среди трудовых мигрантов из других постсоветских стран – 31,2%. Наиболее пострадали от кризиса трудовые мигранты из Киргизии. Их преимущество на рынке труда по сравнению с гражданами Таджикистана и Узбекистана – в силу преференций в рамках ЕАЭС, лучшего владения русским языком, большего опыта занятости в сфере услуг на родине, – обернулось недостатком. Будучи существенно меньше заняты в строительстве, по сравнению с выходцами из Таджикистана и Узбекистана, и лучше представлены в сферах, наиболее пострадавших от кризиса (гостиничном бизнесе,

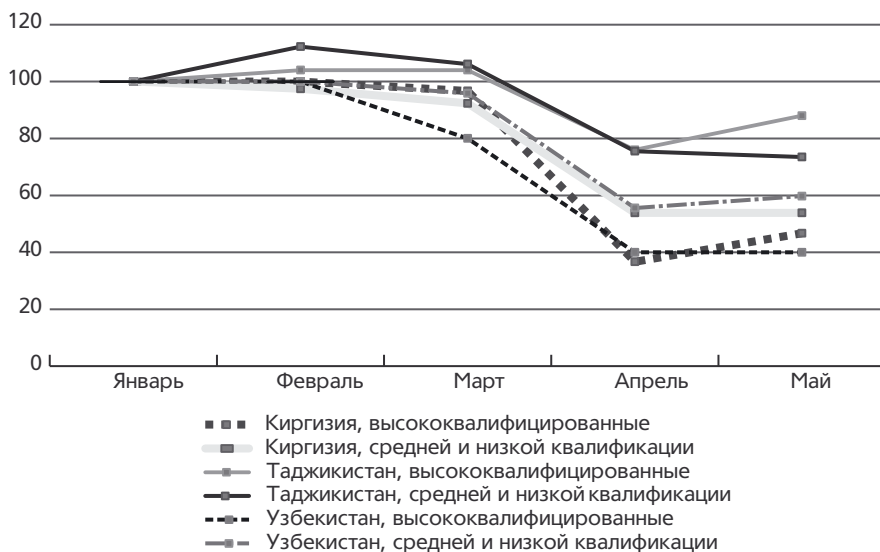

Рис. Изменение занятости мигрантов разной квалификации из Киргизии, Таджикистана и Узбекистана в январе – мае 2020 г., в % (январь 2020 г. = 100%)

Источник: Опрос, 2020А.

общепите, социальных и персональных услугах, на транспорте, коммунальном хозяйстве), они в массовом порядке лишались работы. Причем киргизские и узбекские высококвалифицированные мигранты оказались в худшем положении, чем работники средней и низкой квалификации¹ (рис.).

Почти половина трудовых мигрантов (47,5%) жаловались, что денег не хватает на самое необходимое, еще 23,0% могли продержаться без посторонней помощи не более 1–2 недель. Тех, кто больше боялся остаться без средств к существованию, было почти вдвое больше боящихся COVID-19 (Опросы 2020А и 2020Б).

В сложившейся катастрофической ситуации большинство трудовых мигрантов и не думали покидать российский рынок труда: отвечая в начале июня на вопрос о ближайших планах до сентября – октября 2020 г., 77,2% работающих и ищущих работу намеревались оставаться в России (табл. 1).

Даже среди мигрантов, не присутствующих на рынке труда (учащихся, пенсионеров, домохозяек и др.), большинство намеревались оставаться в России. Лишь 3,2% всех граждан среднеазиатских государств были готовы выехать на родину, как только восстановится транспортное сообщение.

На краткосрочные планы трудовых мигрантов влияли не только оценка ситуации на родине и дороговизна отъезда. Оптимизм и трудовых мигрантов в России, и потенциальных трудовых мигрантов вне России зиждился на оценке ситуации как временной и уверенности, что они смогут найти работу в принимающей стране. Особенно оптимистичны были потенциальные трудовые мигранты, находящиеся за ее пределами (табл. 2).

Их оптимизм имел основания: российский рынок труда весной 2020 г. покинули их основные конкуренты – граждане Украины, Молдовы и Белоруссии [Мкртчян, Флоринская, 2021: 18,19]. На 1 октября 2020 г. в Москве граждане Киргизии, Таджикистана и Узбекистана составляли 78% всех иностранцев из стран СНГ и 87% прибывших с целью работы². Постановка на миграционный учет в Москве в 2020 г. сократилась на 45,1% по сравнению

Таблица 1

Ближайшие планы на пребывание в / отъезд из России трудовых мигрантов из Средней Азии, в % от опрошенных

«Какие у вас ближайшие планы (до сентября – октября 2020 г.)?»	Опрос 2020А, N = 370	Опрос 2020Б, N = 218	Всего, N = 588*	Не работающие и не ищущие работу, N=169*	Итого, N = 757
Остаться в России	75,1	80,7	77,2	59,8	73,3
Вернуться в свою страну, там переждать трудности и потом приехать в Россию	10,3	7,3	9,2	16,0	10,7
Вернуться в свою страну насовсем	4,1	6,9	5,1	6,5	5,4
Нет ответа, затруднились ответить	10,5	5,0	8,5	17,8	10,6

Примечание. * Объединенный массив опросов 2020А и 2020Б.

Источники: опросы 2020А и 2020Б.

¹ Высококвалифицированные мигранты – образованные мигранты (уровни 5–8 по Международной стандартной классификации образования), которые должны быть заняты в группах 1–3, а средней и низкой квалификации – в группах 4–9 по ISCO-08.

² Данные УВМ г. Москвы, по запросу.

Таблица 2

**Распределение ответов на вопрос: «Вы уверены, что найдете работу в России?»,
в % от опрошенных**

Варианты ответов	Находящиеся в России		Находящиеся за рубежом, планирующие работать в России**, N = 347
	работающие и ищущие работу*, N = 502	не работают и не ищут работу, но планируют работать в России*, N = 116	
Уверен(а), что сохраню прежнюю работу	47,6	49,1***	–
Уверен(а), что найду	20,8		68,0
Не уверен(а), что найду быстро	18,2	30,2	22,2
Не уверен(а), что вообще найду	3,9	7,8	1,7
Затрудняюсь ответить	9,5	12,9	8,1

Примечание. * Объединенный массив 2020А и 2020Б, ** опрос 2020А, *** вариант ответа «уверен, что быстро найду».

Источники: опросы 2020А, 2020Б.

с предшествующим годом, выдача разрешений на проживание – на 46,7%, оформление и выдача приглашений на въезд иностранцам – на 69%³.

Сократившееся предложение на рынке труда уже к исходу первой волны коронавируса спровоцировало дефицит рабочих рук. Отчасти это наблюдалось еще на дне кризиса: на транспорте и в складских хозяйствах, в домашних хозяйствах и строительстве оплата труда опрошенных мигрантов возросла соответственно на 10,5 и 3% в апреле по сравнению с допандемийным февралем. Об этом сигнализировал и Росстат: средняя зарплата россиян в транспортировке и хранении возросла в феврале – апреле на 10,5%, в административной деятельности – на 4%, в торговле – на 3,4%, в строительстве – на 0,7%⁴. Конкуренция среди рабочих в мае фактически отсутствовала, на одну размещенную вакансию приходилось одно резюме, тогда как среди медицинских работников, несмотря на продолжающуюся эпидемию, «конкурс» был выше – два резюме на место. При этом в своих резюме соискатели на рабочие специальности в мае запрашивали в среднем на 27% меньше денег, чем им были готовы предложить работодатели⁵.

Обследование, проведенное на пике второй волны пандемии, в ноябре 2020 г., продемонстрировало, что ожидания трудовых мигрантов оправдались: 85,6% работавших в феврале вернулись на те же рабочие места, которые они занимали до пандемии, а сменившие работу отмечали, что она лучше той, на которой они работали в феврале – 54,6%, либо примерно такая же – 18,2%, лишь 21,2% считали, что она хуже прежней, еще 6,1% не определились с ответом. При этом большинство респондентов (59,2%) не выказывали беспокойства, что они могут потерять работу, тревожные настроения были у 35,3% опрошенных, а 5,5% не определились. Ситуация на рынке труда была не очень плоха: доля безработных мигрантов составила 3,0%. Большинство иностранных работников были удовлетворены оплатой труда (69,6%),

³ Данные ГУВМ МВД России. ГУВМ МВД с начала 2024 г. закрыло доступ к ранее опубликованным данным.

⁴ Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций по видам экономической деятельности в Российской Федерации с 2013 года // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (дата обращения: 03.09.2024).

⁵ Ломская Т., Абакумова М. Время работяг: в каких профессиях теперь 23 человека на место, а где стали платить 500 000 рублей // Forbes. 04.06.2020. URL: <https://www.forbes.ru/karera-i-svooy-biznes/402181-vremya-rabotyag-v-kakih-professiyah-teper-23-cheloveka-na-mesto-gde> (дата обращения: 21.10.2020).

Таблица 3

**Оценка различными контингентами мигрантов в России шансов найти работу,
в % от ответивших**

Контингенты	Уверен, что сохраню прежнее место работы	Уверен, что найду	Не уверен, что быстро найду	Не уверен, что вообще найду	Затрудняюсь ответить	Итого
Работающие	64,4	27,8	5,8	0,5	1,3	100,0
Временно не работающие, ищущие работу	8,4	68,5	20,3	2,4	0,3	100,0
Другие	14,0	68,8	11,8	5,4	1,8	100,0
Итого	49,2	39,3	9,2	1,3	1,0	100,0

Примечание. Распределение ответов на вопрос: «Вы уверены, что найдете работу в России?»

Источник: опрос 2021.

не удовлетворены – 20,2% (остальные не определились). Еще выше была удовлетворенность условиями труда (75,1%), против 13,3% недовольных. В этих условиях зарплатные притязания трудовых мигрантов⁶ возросли: желательная оплата труда респондентов (медиана) была в 1,5 раза выше той, которую они получали. Немаловажную роль играло и то, что большинство трудовых мигрантов (57,8%) были уверены в наличии навыков или квалификации для выполнения более сложной работы (Опрос 2020В).

Обследование, проведенное после практически незамеченной третьей волны пандемии, пришлось на ноябрь 2021 г. – время пика самой серьезной четвертой волны. Отличительной характеристикой респондентов данного опроса явился безмерный оптимизм в отношении перспектив работы, ставший следствием все более явственного дефицита рабочих рук в мигрантском сегменте рынка труда. Отвечая на вопрос, уверены ли они, что найдут работу в России, трудовые мигранты сомневались лишь в том, сколько времени на это потребуется: не были уверены, что быстро найдут, 7,7% опрошенных. Сомнения в том, что вообще найдут работу, высказывали лишь 0,7% трудовых мигрантов, находящихся в России (53,5% выражали уверенность в сохранении рабочего места, 37,1% не сомневались, что найдут). При этом как безработные, так и последнее время не работающие, но собирающиеся выйти на рынок труда, мало сомневались в успешности поиска работы (табл. 3).

Аналогичные результаты были получены и среди потенциальных трудовых мигрантов, намеревающихся приехать на работу в Россию, – не были уверены в том, что найдут работу, только 1,2% респондентов.

Большинство потенциальных трудовых мигрантов за рубежом готовы были бы поехать в районы Сибири и Дальнего Востока при условии повышенной оплаты (в среднем 99 тыс. рублей в месяц). Среди трудовых мигрантов в России охочих до работы на Востоке страны было вдвое меньше (и это были в основном строители), а зарплатные притязания были существенно выше – 118 тыс. руб. При этом средняя оплата труда по России на момент опроса составляла 56 тыс. рублей (в Москве оплата наемных работников в 2023 г. – 99 тыс. рублей, в Московской области – 62 тыс. рублей)⁷.

⁶ Формулировка вопроса: «Какая должна быть оплата, чтобы вы на нее согласились?»

⁷ Рынок труда, занятость и заработная плата // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (дата обращения: 05.09.2024).

Среднеазиатские трудовые мигранты после пандемии. В 2022–2023 гг. шоки, вызванные пандемией, постепенно сошли на нет (формально ВОЗ объявило о ее завершении 5 мая 2023 г.). Им на смену пришли новые, вызванными внешними санкциями после февраля 2022 г. и оттоком с рынка труда российских работников в связи с релокацией. На этом фоне сокращение притока трудовых мигрантов, усилившее дефицит рабочих рук⁸, особенно в строительстве, способствовало снижению удельного веса ищущих работу и готовых к ней приступить до 2,5%. В ситуации, когда спрос на рабочую силу очень высок, а предложение ограничено, мигранты в большинстве своем (60,8%) не беспокоились по поводу возможной потери работы, озабоченность выказывали лишь 27,1% опрошенных, 12,1% колебались с ответом.

Таблица 4

Возможности найти работу, адекватный заработок и достойная продолжительность рабочего времени: индикаторы достойного труда мигрантов и россиян

Индикатор	Киргизские мигранты	Таджикские мигранты	Узбекские мигранты	Мигранты из Средней Азии, всего	Москвичи*
Доля занятых в общей численности, %	93,6	90,7	93,3	95,0	65,8
Уровень безработицы, %	2,4	2,8	2,2	2,5	2,2
Безработица среди молодежи 15–24 лет, %	2,3	4,1	1,7	2,7	5,1**
Молодежь 15–24 лет, NEET, %	4,5	10,5	5,6	6,9	10,1**
в т.ч. мужчины	5,5	7,4	3,3	4,5	9,0
женщины	7,3	32,3	16,3	15,2	11,2
Работающие бедные	0,8	1,4	1,3	1,2	3,3***
Доля работников с низким уровнем заработной платы, %	25,4	36,0	31,0	30,5	26,1****
Доля занятых с чрезмерной продолжительностью рабочих часов, %	71,6	78,9	79,9	76,9	2,8**

Примечания. Курсивом выделены немногочисленные группы. NEET – молодежь, которая не учится, не работает и не приобретает профессиональных навыков (Not in Employment, Education or Training). Работающие бедные – доля работников с низким уровнем заработной платы (ниже 2/3 медианы почасового заработка работающих по найму российских работников). Доля занятых с чрезмерной продолжительностью рабочих часов – более 48 часов в неделю. **** Российские граждане, 2023 г.

Источник: Опрос 2023. * Регионы России. Социально-экономические показатели. 2023: Стат. сб. / Росстат. М., 2023. 1126 с. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2023.pdf (дата обращения: 05.09.2024). ** Российские граждане – Индикаторы достойного труда за 2022 г. // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (дата обращения: 05.09.2024). В Москве уровень безработицы в 2023 г. среди молодежи в возрасте 15–19 лет составил 4,6%, среди 20–29 лет – 2,9% (Социально-экономические показатели по субъектам Российской Федерации. Приложение к сборнику (информация в разрезе субъектов Российской Федерации) 2024 // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13211> (дата обращения: 09.09.2024).) *** Доля работников организаций (без субъектов малого предпринимательства) с начисленной заработной платой ниже границы бедности трудоспособного населения Москвы // Росстат, 2023. URL: https://www.google.com/search?q=3-3-1_2023.doc&oq=3-3-1_2023.doc&gs_lcrp=EgZjaHJvbWUyBggAEEUYOTIGCAEQIxn0gEIMzM3MWowajmoAgCwAgA&sourceid=chrome&ie=UTF-8 (дата обращения: 14.10.2024).

⁸ Дефицит работников списочного состава возрос к концу 4-го квартала 2023 г. на 36,3% по сравнению с аналогичным периодом 2021 г. (Движение работников списочного состава по организациям г. Москвы, не относящимся к субъектам малого предпринимательства // Москомстат. URL: <https://77.rosstat.gov.ru/folder/64639> (дата обращения: 15.11.2024)).

С доступом к рынку труда у среднеазиатских мигрантов нет особых проблем. Доля молодежи, которая не учится, не работает и не приобретает профессиональных навыков, также невелика, особенно среди мужчин; среди молодых женщин она выше, чем среди россиянок, что может являться следствием более раннего возраста заключения брака и рождения детей с сопутствующими семейными заботами. (Кроме того, молодые среднеазиатские женщины более образованы, чем мужчины, – высшее и неполное высшее образование имеют 12% женщин и лишь 9,1% мужчин этого возраста, – что снижает вероятность того, что они будут работать по низкоквалифицированным профессиям). По многим позициям положение трудовых мигрантов выглядит даже более благополучным в сравнении с российскими гражданами (с поправкой на существенные различия в возрастном составе мигрантов и россиян, отражающихся на занятости этих контингентов) (табл. 4).

Доля работников с низкими заработками соизмерима с аналогичным показателем россиян, а доля работающих бедных даже ниже, чем среди москвичей. И рабочие места их вроде устраивают: 79,8% опрошенных удовлетворены заработной платой (не удовлетворены – 11,8%), довольны условиями труда – 83% (недовольны – 7,3%). Но сравнение оплаты труда мигрантов с зарплатами москвичей, а не российских граждан в целом, кардинально меняет картину: доля работников с низким уровнем зарплаты возрастает примерно в 2,5 раза. И эти, не столь уж впечатляющие заработки на фоне москвичей, сопряжены с несоизмеримо более высокой трудовой нагрузкой: средняя продолжительность рабочей недели мигрантов составляет почти 60 часов.

Другая проблема – качество рабочих мест. Большинство мигрантов считает, что у них есть навыки и квалификация для выполнения более сложной работы, чем та, которая у них есть – 54,2%; только треть (33,5%) считает, что они не могли бы выполнять более сложную работу, еще 12,2% уклонились от ответа. Анализ занятий среднеазиатских мигрантов подтверждает их субъективное восприятие рабочих мест (табл. 5).

Структура занятости мигрантов кардинально отличается от структуры занятости российских работников, и особенно москвичей. Лишь около 3% последних являются неквалифицированными рабочими (заняты там, где требуется лишь начальное образование), тогда

Таблица 5

Распределение работающих мигрантов разных государств по группам занятий, в %

Профессионально-должностная группа	Граждане Киргизии	Граждане Таджикистана	Граждане Узбекистана	Итого
1. Руководители	1,0	0,1	-	0,4
2. Специалисты-профессионалы	1,0	0,4	0,6	0,7
3. Специалисты-техники и иной средний специальный персонал	2,9	2,8	2,5	2,7
4. Служащие, занятые подготовкой документации, учетом и обслуживанием	0,3	0,4	0,6	0,4
5. Работники сферы обслуживания и торговли	37,5	18,1	20,8	25,6
7. Квалифицированные рабочие	7,0	17,7	16,9	13,9
8. Операторы и сборщики промышленных установок и машин	8,4	5,1	5,6	6,4
9. Неквалифицированные рабочие	41,7	55,3	53,1	50,0
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

Примечание. Без группы 6. Квалифицированные работники сельского хозяйства.

Источник: Опрос 2023.

Таблица 6

**Структура занятости по основным видам экономической деятельности работающих граждан
Киргизии, Таджикистана и Узбекистана, в % ответивших**

Вид экономической деятельности	Граждане Киргизии	Граждане Таджикистана	Граждане Узбекистана	Москвичи*	Справочно: месячная зарплата москвичей, тыс. руб.*
Обрабатывающие производства	2,5	2,3	1,7	7,7	112,5
Строительство	7,4	22,4	24,3	7,0	92,8
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспорта и бытовых изделий	29,2	23,6	22,7	17,8	103,5
Транспортировка и хранение	19,0	13,9	13,8	6,9	105,3
Гостиницы и рестораны	11,5	6,1	7,3	2,3	57,0
Деятельность административная и сопутствующие услуги	14,3	22,8	22,6	4,9	71,2
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение	–	–	–	4,8	124,9
Образование	0,2	0,4	–	6,1	129,3
Здравоохранение и социальные услуги	2,8	1,6	0,5	6,4	124,1
Предоставление прочих услуг	9,5	1,6	3,7	1,0	94,2
Итого	96,4	94,7	96,6	64,9	105,4**

Источник: Опрос 2023. * Численность и начисленная заработная плата работников, ноябрь 2023 года // Мосстат, 2024. URL: <https://77.rosstat.gov.ru/folder/64639> (дата обращения: 12.10.2024). ** По пересчитанному ВЭД. По всем ВЭД – 128,8 тыс. рублей (Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников по полному кругу организаций по субъектам Российской Федерации с 2019 года, рублей // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (дата обращения: 12.10.2024)).

как среди мигрантов – половина. И, напротив, свыше половины москвичей (53,2%⁹) заняты на рабочих местах, требующих высокой квалификации (группы 1–3 по ISCO-08), в то время как среднеазиатские мигранты на таких должностях встречаются гораздо реже. Хотя уровень образования среднеазиатских мигрантов не столь низок, чтобы концентрироваться на рабочих местах, не требующих соответствующего образования, 87,9% работников с высшим образованием заняты там, где их квалификация не востребована («сверхквалификация»), в т.ч. 29,5% из них – неквалифицированные рабочие. Излишняя квалификация еще более характерна для работников со средним образованием, свыше половины которых трудится в России неквалифицированными рабочими. Отметим, что имеет место и обратное: почти треть работников без среднего образования заняты на местах, где такое образование требуется.

Структура видов экономической активности среднеазиатских мигрантов существенно отличается от аналогичной структуры российских работников. Во-первых, занятость москвичей более диверсифицирована: в представленных в табл. 6 видах экономической деятельности занято 64,9% жителей Москвы и 96,3% выходцев из Средней Азии. Во-вторых, среднеазиатские мигранты чаще москвичей заняты в сфере услуг (кроме госуправления, военной безопасности, социальных услуг, образования и здравоохранения), строительстве, реже – в обрабатывающих производствах, практически отсутствуют в сферах информации

⁹ Обследование рабочей силы 2023 // Росстат. Табл. 6.5, 6.31а. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения: 14.10.2024).

и связи, финансовой и страховой деятельности, профессиональной, научной и технической деятельности. В-третьих, они концентрируются в хуже оплачиваемых сферах.

Одновременно отмечаются существенные различия в структуре занятости граждан Киргизии, с одной стороны, и Таджикистана, Узбекистана – с другой. Граждане Киргизии больше заняты в торговле, транспортировке и хранении, гостиничном бизнесе и общепите, здравоохранении, прочих услугах, и реже – в строительстве, административной деятельности. Труд в транспортировке и хранении оплачивается средне, но гостиничный и ресторанный бизнес, торговля, прочие услуги – аутсайдеры по оплате труда в московской экономике (табл. 6). Высокая занятость киргизстанцев в этих видах экономической активности – результат того, что они занимают лучше оплачиваемые рабочие места, чем граждане Таджикистана и Узбекистана, – следствие предпочтений как граждан страны-члена ЕАЭС и лучшего владения русским языком. И, напротив, у них нет особых стимулов работать на обрабатывающих производствах, в строительстве, где они не имеют конкурентных преимуществ перед мигрантами из Таджикистана и Узбекистана, и уж тем более в плохо оплачиваемых административной деятельности и сопутствующих услугах (табл. 7).

Среднеазиатские мигранты демонстрируют высокую мобильность на рынке труда, меняя виды экономической активности и занятия. Особую активность проявили трудовые мигранты, начавшие работать в Москве во время пандемии (а это 40,3% всех респондентов). Будучи молодыми (71,7% – до 30 лет, 86,6% – до 40 лет), не очень образованными (71,4% – со средним и ниже среднего уровнем образования), чаще всего еще не обзаведшимися семьей (60,5% не состоят в браке), они исключительно мобильны. Треть из них (30,4%) успели поменять работу за то короткое время, что трудятся в Москве. И в целом среди мигрантов из Средней Азии смена занятий идет достаточно интенсивно: сменили профессионально-должностную группу четверть респондентов, работавших в Москве, причем преобладает восходящая мобильность¹⁰. При этом фиксируется более низкая

Таблица 7

Почасовая оплата мигрантов различных стран по видам экономической деятельности, руб./час, медиана, ответившие

Вид экономической деятельности	Граждане Киргизии	Граждане Таджикистана	Граждане Узбекистана
Обрабатывающие производства	272	271	270
Строительство	307	307	279
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспорта и бытовых изделий	263	206	230
Транспортировка и хранение	319	287	287
Гостиницы и рестораны	255	197	249
Деятельность административная и сопутствующие услуги	216	226	239
Здравоохранение и социальные услуги	352	219	255
Предоставление прочих услуг	345	283	265
Деятельность домашних хозяйств	319	301	238
Итого	279	253	260

Источник: Опрос 2023.

¹⁰ Классификация занятий по ISCO-08 не дает представления об иерархии занятий. Использован подход, апробированный Е. Варшавской и М. Денисенко [2019] и Г. Монусовой [2022: 193–194], согласно которому группа 4 (Работники торговли и сферы обслуживания) смещается вниз перед группой 9 (Неквалифицированные рабочие). Нарушение классификации нефизический/ физический труд компенсируется иерархией оплаты труда, в большинстве случаев не требующего квалификации среди работников торговли и сферы обслуживания.

Таблица 8

**Мобильность работающих граждан Киргизии, Таджикистана и Узбекистана,
% от ответивших**

Гражданство	Работающие	в т.ч. меняли работу	из них меняли занятие		
			всего	восходящая мобильность	нисходящая мобильность
Киргизия	100,0	53,0	25,2	17,9	7,3
Таджикистан	100,0	55,5	25,8	18,8	7,0
Узбекистан	100,0	49,4	21,6	14,9	6,7
Итого	100,0	52,3	24,0	17,0	7,0

Источник: Опрос 2023.

Таблица 9

**Оплата труда и доля неквалифицированных рабочих среди респондентов, различающихся
мобильностью, ответившие**

N	Мобильность	Оплата труда*	Доля неквалифицированных рабочих**
2671	Все работающие	264	50,1
1271	в т.ч. не меняли работу	255	53,7
1399	меняли работу	268	46,8
758	в т.ч. меняли работу, не меняли занятие	268	68,3
641	в т.ч. меняли работу, меняли занятие	274	21,4
455	с восходящей мобильностью	287	–
284	восходящая мобильность, меняли ВЭД	287	–
168	восходящая мобильность, не меняли ВЭД	287	–
186	с нисходящей мобильностью	259	73,7
149	нисходящая мобильность, меняли ВЭД	262	73,2
33	нисходящая мобильность, не меняли ВЭД	240	75,8

Примечания. *Среднечасовая оплата труда, руб., медиана; ** группа 9 по ISCO-08, %

Источник: опрос 2023.

мобильность узбекистанцев, менее образованных и позже граждан Таджикистана и Киргизии пришедших на российский рынок труда (табл. 8).

Восходящая вертикальная мобильность – залог лучшей оплаты и условий труда. Респонденты, перешедшие в более статусную профессионально-должностную группу, получают наиболее высокую оплату труда – в среднем на 12,6% выше, чем не менявшие занятие. В худшем положении работники с нисходящей вертикальной мобильностью, почти $\frac{3}{4}$ из которых переходят в группу неквалифицированных рабочих. Однако те из них, кто меняет вид экономической деятельности, находятся в лучшем положении, чем не решающиеся на такой шаг: разрыв в оплате труда первых и вторых составляет 9,2% (табл. 9).

Межсекторальная мобильность существенно выше вертикальной: меняли вид экономической деятельности более трети работающих мигрантов (34%), тогда как занятие – 24% работников. Мигранты активно покидают торговлю и сферу административной деятельности, где их оплата труда минимальна, перемещаясь в виды экономической деятельности с более высокой заработной платой: обрабатывающие производства,

Таблица 10

**Виды экономической деятельности, доля неквалифицированных рабочих и оплата труда
по видам экономической деятельности, 2023 г., ответившие**

Вид экономической деятельности	Все работающие, %	В т.ч. менявшие работу, %	Доля неквалифи- цированных рабочих, %	Работающие свыше 48 часов в неделю, %	Почасовая оплата, руб., медиана
Обрабатывающие производства	2,0	2,6	47,3	61,8	271
Строительство	18,2	19,2	39,0	79,9	287
Оптовая и розничная торговля; ремонт авто- транспорта и бытовых изделий	22,5	20,2	32,4	79,9	230
Транспортировка и хранение	18,6	21,0	69,5	89	307
Гостиницы и рестораны	8,2	8,7	21,0	77,2	240
Деятельность административная и сопутству- ющие услуги	20,3	18,5	88,9	60,4	230
Здравоохранение и социальные услуги	1,6	1,9	37,5	45,2	326
Предоставление прочих услуг	5,0	3,1	8,1	70,4	315
Деятельность домашних хозяйств	1,4	2,0	16,2	78,4	296
Итого, включая прочие	100,0	100,0	50,1	75,9	263

Источник: опрос 2023.

транспортировка и хранение, здравоохранение, деятельность домашних хозяйств (табл. 10).

Ситуация в строительстве не столь однозначна: несмотря на то что в долгосрочном плане доля занятых здесь мигрантов снижается, менявшие работу иностранцы часто перемещаются именно в эту сферу. Оплата труда имеет значение, как и то, что многие иностранные работники пришли в отрасль во время пандемии, когда строительство было наиболее устойчивой сферой деятельности. Но значимо и то, что труд в строительной отрасли позволяет многим работникам повысить свой профессионально-должностной статус: почти у четверти работающих в строительстве (24,4%) зафиксирована восходящая мобильность. Небольшая доля ухудшивших свой статус, сочетающаяся с высоким удельным весом внутрисекторальной вертикальной мобильности, позволяет говорить о строительстве как об отрасли с наибольшими перспективами карьерного роста в исследуемом периоде.

По этой же причине фиксируется относительная привлекательность работы в гостиничном бизнесе и общепите, где, несмотря на низкую оплату труда, почти четверть работников повысили свой профессионально-должностной статус и где доля неквалифицированных рабочих составляет лишь 21%.

Сфера транспортировки и хранения неплохо оплачивается. Однако в отрасли преобладает нисходящая мобильность, крайне низка внутрисекторальная мобильность, продолжительность рабочей недели чрезмерна, а среди занятых мигрантов много неквалифицированных рабочих¹¹. Все это роднит ее со сферой административной деятельности

¹¹ Среди занятых в сфере транспорта и хранения 28,7% – курьеры без машин, среди занятых в административной деятельности 33,8% – дворники и уборщицы.

Таблица 11

Мобильность работников по видам экономической деятельности, в % ответивших

Вид экономической деятельности	Меняли работу	В т.ч. с начала пандемии	Доля работников ВЭД с восходящей мобильностью	Доля работников ВЭД с нисходящей мобильностью	Внутрисекторальная вертикальная мобильность
Обрабатывающие производства	84,2	60,0	30,9	9,1	10,9
Строительство	66,3	43,3	24,4	3,5	16,6
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспорта и бытовых изделий	52,0	27,2	19,9	4,7	9,8
Транспортировка и хранение	40,0	22,2	12	13,5	3,4
Гостиницы и рестораны	57,1	41,1	23,7	5,0	6,4
Деятельность административная и сопутствующие услуги	34,7	18,3	5,0	9,4	3,3
Здравоохранение и социальные услуги	53,1	9,1	23,8
Предоставление прочих услуг	19,6	8,5	15,5
Деятельность домашних хозяйств	71,0	40,0	40,5
Итого, включая прочие	52,1	29,3	17,1	7,0	7,5

Примечание. <...> – единичные случаи.

Источник: опрос 2023.

и сопутствующих услуг, где ситуация не лучше, а оплата труда минимальна (табл. 10, 11). В этих видах экономической активности концентрируются наихудшие рабочие места, где работают 61,8% неквалифицированных рабочих и куда приходят либо совсем неквалифицированные мигранты, либо не удержавшиеся на лучших профессионально-должностных позициях.

Напротив, низкая доля перемещающихся на рабочие места в сфере прочих услуг с неплохой оплатой труда вызвана высокой конкуренцией в этой сфере, о чем свидетельствуют крайне низкая доля неквалифицированных рабочих, большой удельный вес работников с восходящей мобильностью и ограниченная внутрисекторальная мобильность. (Отмечалось, что наибольшая мобильность характерна для секторов, где не требуются особые знания и навыки. Учитывая, что трудовые мигранты сконцентрированы в видах экономической деятельности, где требования к квалификации низки, не должно удивлять, что межсекторальная мобильность у среднеазиатских мигрантов существенно выше, чем у россиян [Вакуленко, 2020]. Неспроста наиболее мобильны самые квалифицированные и образованные мигранты: если среди не имеющих и среднего образования меняли работу 35,9%, то среди мигрантов с высшим/неполным высшим образованием – 60,4%.)

Несмотря на позитивные изменения (сокращение разрыва в оплате труда иностранных работников и россиян, улучшение условий труда мигрантов, более цивилизованные отношения с работодателями), нет оснований полагать, что граница между мигрантским и немигрантским сегментами российского рынка труда [Варшавская, Денисенко, 2019] размывается. И в этом сложно винить работодателей, во всех опросах в подавляющем большинстве выражающих заинтересованность в использовании иностранной рабочей

силы, не собирающихся дискриминировать трудовых мигрантов в оплате труда и при вынужденных увольнениях. Осенью 2023 г. 58% работодателей заявили, что точно будут использовать труд иностранцев в следующем году (в опросе 2021 г. таковых было 47%), 29,0% – скорее будут использовать.

Федеральными властями регулируется доступ иностранных граждан к отдельным видам экономической активности. Запрещен допуск иностранных работников к розничной торговле в аптеках, нестационарных торговых объектах и на рынках, прочая розница вне магазинов и палаток на рынках, действуют серьезные ограничения на работу трудовых мигрантов в розничной торговле алкоголем и табачными изделиями (допустимая доля иностранных работников не более 15%). Более лояльно отношение к занятости мигрантов в овощеводстве (допустимая доля – 50%) и уж совсем благоприятное – к занятости иностранцев в строительстве (80%). С 2021 г. вводится квота на работу в лесоводстве и лесозаготовках (50%), эксплуатации жилого и нежилого фонда, деятельности по обслуживанию зданий и территорий, где концентрируются работники ЖКХ, клининга (70%). На фоне этих «ступенчатых» квот выделяется целенаправленное снижение допустимой доли иностранцев в пассажирских перевозках (с 50% в 2015 г. до 24% в 2024 г.) и на грузовом транспорте – с 35% в 2016 г. до 24% в 2024 г.

Самое интересное – исключения из правил. При том что доля иностранных работников в строительстве не может превышать 80%, за последние 10 лет не было никаких ограничений по их занятости в строительстве в Москве, Амурской области, в 2023–2024 гг. – в Бурятии. Чудный метания Краснодарского края, где в 2020–2021 гг. отказались было от всяких ограничений, но в 2022 г. допустимая доля иностранцев в строительстве была установлена в 60%, а в 2023–2024 гг. – в 50%. С 2021 г. допустимая доля иностранцев в строительстве снижена и в трудоизбыточном Дагестане (до 50%).

Настораживают ограничения доступа среднеазиатских мигрантов к отдельным видам экономической активности в регионах, в последнее время направленные исключительно на трудовых мигрантов из Узбекистана и Таджикистана и, следовательно, приобретающие признаки дискриминации: власти субъектов РФ вправе ежегодно устанавливать запреты на привлечение иностранных граждан, работающих на основании патентов, подавляющее большинство которых – среднеазиатские мигранты. (Ограничения не распространяются на граждан Киргизии как страны – члена ЕАЭС.)

Действия властей часто определяются не социально-экономическими мотивами, а стремлением угодить ксенофобским настроениям населения. Этим объясняется как расширение географии ограничений (если в относительно благополучном 2019 г. они действовали в 12 субъектах, то в 2024 г. – в 41 регионе), так и шквал видов экономической активности, подпадающих под ограничения, особенно в сферах, где мигранты контактируют с местным населением. (В 2025 г. к уже привычным сферам ограничений и запретов в регионах добавились в т.ч.: образование, здравоохранение, социальное обеспечение, трудоустройство, уход за детьми, курьерская служба, деятельность стоянок, охранных служб и др.) Сон Ха Джу, анализировавший секторальные запреты в 83 российских регионах, прямо утверждает, что региональные власти устанавливают запреты на использование труда мигрантов в секторах, которые не зависят от иностранной рабочей силы, а ограничения вводятся исключительно для того, чтобы апеллировать к общественным антимигрантским настроениям [Joo, 2022].

Заключение. Адаптивные способности трудовых мигрантов особенно наглядно проявились во время неординарных экономических шоков 2020-х гг. Среднеазиатские трудовые мигранты, не стремящиеся покинуть российский рынок труда, выражали уверенность в быстром возвращении на рабочие места во время локдаунов и массовых увольнений. Они вернулись к работе уже после первой волны пандемии, освоив новые ниши на рынке труда. Полученный опыт, высокая межсекторальная мобильность, сопровождаемая и существенной восходящей мобильностью, позволили им в дальнейшем очень оптимистично оценивать свои шансы на работу в России.

Диверсификация видов экономической деятельности, сокращение разрыва в заработной плате с российскими гражданами, улучшение условий труда, – наиболее видимые результаты адаптации трудовых мигрантов к изменениям рынка труда. Важными индикаторами адаптации к экономическим трансформациям является диверсификация направлений трудовых миграций, освоение нетрадиционных локальных рынков труда, распространенность неформальной нелегальной занятости – темы, заслуживающие внимательного анализа, но не рассматриваемые в настоящей статье.

Наиболее серьезными проблемами российского рынка труда, не способствующими адаптации к нему трудовых мигрантов, остаются его сегментация с сопутствующей сверхквалификацией, недоиспользованием человеческого капитала, постоянные колебания государственной миграционной политики, дискриминационные практики доступа среднеазиатских мигрантов к отдельным секторам экономики, стремление регулировать миграционные потоки, не принимая в расчет интересы работодателя, ключевого актора миграционной политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вакуленко Е.С. Сравнительный анализ межрегиональной и межсекторной мобильности в России // Экономика региона. 2020. Т. 16. Вып. 4. С. 1193–1207. DOI: 10.17059/ekon.reg.2020-4-13.
- Варшавер Е., Иванова Н., Рочева А. Положение мигрантов в России во время пандемии коронавируса (COVID-19): результаты опроса. РАНХиГС. 2020. С. 81. URL: http://mer-center.ru/_id/1/169_06-07-2020-vars.pdf (дата обращения: 08.07.2023).
- Варшавская Е.Я., Денисенко М.Б. Квалификационная мобильность мигрантов в России // Вопросы экономики. 2019. № 11. С. 63–80. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-11-63-80.
- Денисенко М.Б., Мукомель В.И. Трудовая миграция в России в период коронавирусной пандемии // Демографическое обозрение. 2020. № 7(3). С. 84–107. DOI: 10.17323/demreview.v7i3.11637 (дата обращения: 08.07.2024).
- Капелюшников, Р.И. Российский рынок труда: статистический портрет на фоне кризисов: препринт WP3/2023/02. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023.
- Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф. Миграция: основные тренды января-февраля 2021 года // Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2021. № 10 (142). Июнь / Под ред. В.С. Гуревича, С.М. Дробышевского, А.В. Колесникова, В.А. Мау, С.Г. Синельникова-Мурылева; Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара, РАНХ и ГС при Президенте Российской Федерации. URL: <https://www.iep.ru/ru/monitoring/migratsiya-osnovnye-trendy-yanvarya-fevralya-2021-goda.html> (дата обращения: 07.09.2023).
- Монусова Г.А. Трудовая мобильность мигрантов: адаптация и/или интеграция // Адаптация и интеграция мигрантов в России: вызовы, реалии, индикаторы / Отв. ред. В.И. Мукомель, К.С. Григорьева. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. С. 185–221. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-407-9.2022.
- Мукомель В.И. Среднеазиатские мигранты на российском рынке труда: до пандемии // Социологические исследования. 2022. № 1. С. 63–75. DOI: 10.31857/S013216250017014-8.
- Полетаев Д.В. Занятость трудящихся-мигрантов из Средней Азии в России по время пандемии COVID-19 // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2021. N11(5). С. 21–34. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-5-21-34.
- Рязанцев С.В., Касымов О.К., Вазиров З.К., Гарибова Ф.М. Влияние пандемии COVID-19 на положение мигрантов из Таджикистана на российском рынке труда // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Том 2. № 4. С. 45–57. DOI: 10.19181/demis.2022.2.4.3. (In English)
- Joo S.H. Building fences? Sectoral Immigration Bans in Russian Regions. *Post-Soviet Affairs*. 2022. № 38(5). P. 410–426. DOI: 10.1080/1060586X.2021.201304.
- Ryazantsev S., Vazirov Z., Khranova M., Smirnov A. The Impact of the Covid-19 Pandemic on the Position of Labor Migrants from Central Asia in Russia. *Central Asia and the Caucasus*. 2020. Vol. 21. Iss. 3. P. 58–70. DOI: 10.37178/ca-c.20.3.06.

Статья поступила: 22.10.24. Финальная версия: 23.11.24. Принята к публикации: 25.11.24.

CENTRAL ASIAN MIGRANTS AT THE RUSSIAN LABOR MARKET DURING AND AFTER PANDEMIC

MUKOMEL V.I.

*Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Vladimir I. MUKOMEL, Dr. Sci. (Sociol.), Chief Researcher, Head of the Center for the Study of Interethnic Relations, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (mukomel@isras.ru).

Abstract. The processes of adaptation of Central Asian labor migrants to the transformations in the Russian labor market during the pandemic and after its end are analyzed. Particular attention is paid to the latter period, when foreign workers were forced to adapt to extraordinary changes in the labor market as a result of foreign policy sanctions after February 2022 and the resulting reduction in the labor force after the start of the military operation. During the pandemic, migrants adapted to the transformations of the Russian labor market, not seeking to leave the Russian labor market, hoping for a quick return to jobs despite lockdowns and mass layoffs, which they managed after the first wave of the pandemic. The vertical and intersectoral mobility of Central Asian migrants is analyzed. The achievements of migrants from Central Asian countries (diversification of economic activities, reduction of the wage gap with Russian citizens, improvement of working conditions and transformation of relations with employers) were largely due to their high mobility during the pandemic. Serious problems of the Russian labor market remain its segmentation with the accompanying overqualification, underutilization of human capital, discriminatory practices limiting access to specific types of economic activity. The article is based on sociological surveys of labor migrants from Kyrgyzstan, Tajikistan and Uzbekistan conducted in 2020–2023.

Keywords: migrant workers, labor market, types of economic activity, occupations, vertical mobility, intersectoral mobility, wages, discriminatory practices, Kyrgyzstan, Tajikistan, Uzbekistan.

REFERENCES

- Denisenko M., Mukomel V. (2021) Labor Migration in Russia During the Coronavirus Pandemic. *Demographic Review*. 7(5): 42–62. DOI: 10.17323/demreview.v7i5.13197.
- Kapeliushnikov R. (2023) *The Russian Labor Market: a Statistal Portrait on the Background of Crises*: Working paper WP3/2023/02. Moscow: HSE Publishing House. (In Russ.)
- Joo S.H. (2022) Building Fences? Sectoral Immigration Bans in Russian Regions. *Post-Soviet Affairs*. 38(5): 410–426. DOI: 10.1080/1060586X.2021.2013047.
- Mkrтчian N., Florinskaya Yu. (2021) Migration: Main Trends for January-February 2021. *Monitoring of Russia's Economic Outlook. Trends and Challenges of Socio-Economic Development*, Gaidar Institute for Economic Policy. Issue 10, June. (In Russ.)
- Monusova G.A. (2022) Labor Mobility of Migrants: Adaptation and/or Integration. *Adaptation and Integration of Migrants in Russia: Challenges, Realities, Indicators*. Ed. by V.I. Mukomel, K.S. Grigorieva. Moscow: FNIS RAS: 185–221. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-407-9.2022. (In Russ.)
- Mukomel V.I. (2022) Central Asian Migrants at the Russian Labor Market: Before the Pandemic. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 63–75. (In Russ.)
- Poletaev D.V. (2021) Employment of Central Asian Migrant Workers in Russia During the COVID-19 Pandemic. *Gumanitarnye Nauki. Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta. Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. No. 11(5): 21–34. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-5-21-34. (In Russ.)
- Ryazantsev S., Vazirov Z., Khranova M., Smirnov A. (2020) The Impact of the Covid-19 Pandemic on the Position of Labor Migrants from Central Asia in Russia. *Central Asia and the Caucasus*. Vol. 21. Iss. 3: 58–70. DOI: 10.37178/ca-c.20.3.06.
- Ryazantsev S.V. (2022) The Impact of COVID-19 on Tajik Migrants in the Russian Labour Market / S.V. Ryazantsev, O.K. Kasymov, Z.K. Vazirov, F.M. Garibova. *DEMIS. Demographic Research*. Vol. 2. No. 4: 45–57. DOI: 10.19181/demis.2022.2.4.3. (In Russ.)
- Vakulenko E.S. (2020) Comparative Analysis of Interregional and Intersectoral Mobility in Russia. *Ekonomika regiona*. No.16(4): 1193–1207. DOI: 10.17059/ekon.reg.2020-4-13. (In Russ.)
- Varshaver E., Ivanova N., Rocheva A. (2020) *The Situation of Migrants in Russia During the Coronavirus Pandemic (COVID-19): Survey Results*. Russian Academy of National Economy and Public Administration. URL: http://mer-center.ru/_ld/1/169_06-07-2020-vars.pdf. (accessed 07.08.2023). (In Russ.)
- Varshavskaya E.Y., Denisenko M.B. (2019) Immigrant Occupational Mobility in Russia. *Voprosy Ekonomiki*. No. 11: 63–80. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-11-63-80. (In Russ.)

Received: 22.10.24. Final version: 23.11.24. Accepted: 25.11.24.